

**ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ 1810–1826 гг.
В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ПЕРУАНСКИЙ ПОХОД ХОСЕ ДЕ САН-МАТИНА**

Одним из наиболее загадочных и неоднозначных с точки зрения военного искусства эпизодов в биографии Хосе де Сан-Мартина (1778–1850), как военачальника, является его Перуанский поход (1820–1822), ставший заключительным в его военной карьере: 20 сентября 1822 г. он добровольно ушел с поста главнокомандующего освободительной армией и покинул Южную Америку.

Историки, начиная с XIX в. и до сих пор, спорят как по поводу оценки результатов Перуанской кампании, так и относительно причин такого развития событий, акцентируя внимание главным образом на действиях Сан-Мартина, как политика и человека своего времени¹.

Между тем, к началу Перуанского похода, Сан-Мартин был известен по обе стороны Атлантического океана, прежде всего, как талантливый военачальник. Переход его армии через Анды в районе самой высокой вершины Аконкагуа (6800 м), сражения при Чакабуко (12 февраля 1817 г.) и Майпу (5 апреля 1817 г.) вошли уже в первой половине XIX в. в прусские учебники по истории военного искусства. Высоко оценивали заслуги Сан-Мартина в этой кампании и его современники — как роялисты (генерал Осорио и вице-король Перу Песуэла), так и участники освободительного движения. Например, Симон Боливар, узнав о победе Сан-Мартина при Майпу, заявил: «День Америки настал!»². А русский посланник в Рио-де-Жанейро после Чакабуко писал в Министерство иностранных дел об Андском походе Сан-Мартина: «Быстрота, с которой войска прошли столь большое расстояние, преодолев трудности похода в горах, а также успехи, которыми была увенчана эта восьмидневная кампания, неопровержимо доказывают: и готовность жителей Чили стряхнуть с себя его метрополию... и умелую активность генерала»³.

В данной статье Перуанский поход Хосе де Сан-Мартина рассматривается, прежде всего, как военная кампания, в которой, как представляется, наиболее отчетливо проявились сильные и слабые стороны одного из лидеров Войны за независимость в Испанской Америке как военачальника.

Рассматривая Перуанский поход как военную кампанию, прежде всего, следует иметь в виду, что предшествующий ей Чилийский поход (1817–1818) был лишь частью стратегического плана Сан-Мартина, целью которого являлся разгром самой крупной группировки роялистов в Перу и, таким образом, окончательное завершение войны за независимость в Испанской Америке. Именно поэтому он, как опытный военачальник, понимавший необходимость сохранения стратегической инициативы, уже через несколько дней после победы при Майпу отправился в Буэнос-Айрес для получения разрешения на подготовку и осуществление нового похода в цитадель роялистов. Однако он сразу же столкнулся с множеством проблем политического и экономического характера, связанных, например, со слухами о готовящейся военной экспедиции Испании на Ла-Плату, финансовыми противоречиями между Объединенными Провинциями и Чили. В результате договор о сотрудничестве между Чили и Объединенными провинциями был подписан только 5 февраля 1819 г.⁴ Кроме того, в операции по освобождению Перу, задуманной Сан-Мартинем, большое место отводилось флоту, поскольку он предполагал переправить свою армию в Перу морем. Однако флот пришлось создавать с нуля из оставленных роялистами при бегстве из Чили кораблей. К тому же не было опытных морских офицеров, способных вести военные действия против тихоокеанского флота вице-короля, чтобы контролировать морские коммуникации. Только в ноябре 1818 г. в Чили, наконец, прибыл опытный английский морской офицер Т. Кокрейн (1775–1866), который в январе–ноябре 1819 г. совершил удачные крейсерские атаки на Кальяо, Писко и другие тихоокеанские порты Перу, благодаря которым к началу Перуанского похода Кокрейн контролировал морские коммуникации. Однако грабежи местного населения, которыми сопровождалась эти атаки, больше похожие на пиратские набеги, вызывали недовольство перуанцев. Это сводило на нет другую часть стратегического плана Сан-Мартина — завоевание на свою сторону общественного мнения Перу, поскольку он считал, что только экспедиция извне не сможет освободить вице-королевство — необходимо сотрудничество перуанцев. Поэтому применение насилия должно быть минимальным. К тому же он был сторон-

ником монархии, поэтому хотел сохранить структуру вице-королевства Перу. Таким образом, Сан-Мартин направлялся в Перу не только, чтобы вести освободительную войну на поле брани. Он, как истинный освободитель, хотел войны мнений, войны за умы перуанцев, войны между разумом и фанатизмом, между свободой и тиранией. Он предпочитал скорее ждать, пока перуанцы присоединятся к его силам, чем немедленно ввязываться в бой с противником, что также затягивало начало похода⁵. К тому же, и этот фактор также не следует забывать, накануне Перуанского похода армия Сан-Мартина насчитывала 4 118 человек⁶. И хотя ее ядро составляли уже опытные участники Андского похода, однако существовали разногласия между чилийскими и аргентинскими частями объединенной армии, а офицеры флота сплошь были иностранцами⁷.

В то время, как на начало 1820 г., согласно сведениям, приводимым перуанским историком Рубеном Варгасом Угарте, численность роялистской армии в Перу составляла 23 тыс. человек, которые были рассредоточены по всей территории вице-королевства. Самые крупные группировки находились в Лиме (6 000 чел.) и в Центральной части Перу (7 000 чел.)⁸. Таким образом, картина — довольно радужная, особенно если учесть ожидаемые подкрепления из Испании.

Однако другие документы позволяют сделать вывод, что реальная ситуация в роялистской армии была куда более драматичной. Об этом, в частности, сообщалось в письме вице-короля Перу Песуэлы госсекретарю Испании от 12 ноября 1818 г., в котором отмечалось, что население региона настроено не в пользу короля. А поскольку армия формируется за счет местного населения, то войска роялистов крайне ненадежны, неумелы и недисциплинированы. Первые же потери после столкновений с врагом приводят к панике и дезертирству. Это ярко продемонстрировала ситуация в Чили после появления там Андской армии. Появление в Калье испанского судна с офицерами и 200 солдатами в качестве подкрепления роялистской армии вселяло в Песуэлу определенные надежды. Тем более, что он знал о готовящемся походе Сан-Мартина в Перу⁹.

Однако Песуэла не ожидал, что армия патриотов начнет свое наступление, высадившись на побережье, т. е. с моря. Именно поэтому он приказал Ла Серне отвлечь врага наступлением на Сальту, а Санчесу — насмерть стоять в провинции Концепсьон.

Все эти факты, в общем, подтверждают, что Сан-Мартин, по крайней мере, на начало своего вторжения в Перу, избрал правильную тактику,

сделав ставку на плохое моральное состояние войск противника, хотя и более многочисленных, а также на отсутствие у испанцев возможности получить подкрепление и неожиданную для испанцев переброску своей армии в Перу морем.

И хотя поход в Перу, с точки зрения Сан-Мартина, привыкшего просчитывать до деталей любую военную операцию оказался менее подготовленным и проходил в условиях сильного противодействия и разногласий, как с чилийцами, так и с аргентинцами, тем не менее, он отдал приказ армии 20 августа 1820 г. отправиться из Вальпараисо в Перу морем.

24 августа 1820 г. флотилия задержалась на некоторое время в районе Кокимбо, а 7 сентября 1820 г. встала на якорь в бухте Паракаса. Уже 8 сентября началась высадка армии, которая, преодолев 3 лиги песчаного берега, сосредоточилась в перуанском порту Писко, оставленном местными жителями. Этот район должен был защищать со стороны роялистов М. Кимпер. Но он не был блистательным военным и предпочел со своими 5 сотнями солдат retirarse.

Вся армия Сан-Мартина высадилась на побережье Перу с 9 по 11 сентября. По мере отступления роялистов, хотя Сан-Мартин не предпринимал никаких военных действий, многие местные жители (особенно негры) стали вступать в освободительную армию.

Между тем возможности вице-короля Песуэлы оказать сопротивление противнику оказались скованными не только ситуацией анархии и нестабильности в его армии, но и инструкциями, полученными им от нового либерального правительства Испании, где в январе 1820 г. началась революция, как раз с восстания экспедиционного корпуса в Кадисе, предназначенного для отправки в Америку. Они предписывали Песуэле добиваться «умиротворения». Вице-король послал к Сан-Мартину парламентариев, присягнул на верность конституции 1812 г. и избрал депутатов в кортесы Испании. Собственно то же предлагалось сделать и Сан-Мартину¹⁰.

Однако Сан-Мартин от такой чести отказался, заявив, что его целью является независимость Перу. Правда, переговоры в Мирафлоресе все же начались, так как Сан-Мартину было необходимо время для обработки общественного мнения, да и брать Лиму своей небольшой, по сравнению с роялистской армией, он был не в состоянии. Именно этим и ничем другим (в частности, монархическими убеждениями Сан-Мартина) следует объяснять ведение этих переговоров. Так считает, как представляется

совершенно обоснованно, перуанский исследователь Р. Варгас Угарте¹¹. Более распространена точка зрения о том, что Сан-Мартин еще в Чили пытался пойти на соглашение с роялистами о прекращении войны на монархической основе (раздел Южной Америки между принцами наиболее крупных европейских домов). Таково, например, мнение английского исследователя Дж. Линча¹². Аргентинские историки Р. Рохас и Б. Митре не отрицают монархических взглядов Сан-Мартина, тем не менее, подчеркивают, что его главная цель состояла все же в провозглашении независимости Перу, а вопрос о форме правления в независимой стране был для него второстепенным¹³.

В любом случае для хода военных действий эти переговоры имели важное значение, так как позволили Сан-Мартину более подробно ознакомиться с ситуацией в Перу и в роялистской армии. Вскоре переговоры зашли в тупик, так как ни одна из сторон не верила в их успех. 4 октября 1820 г. они были прерваны. И сразу же дивизия патриотов под командованием генерала Ареналеса отправилась из Писко через пустыню в Ику (внутренние районы Перу). Их задача состояла в том, чтобы отрезать от Лимы внутренние районы Перу, «революционизировать» их.

Сам же Сан-Мартин, заявив 15 октября 1820 г. о возобновлении военных действий, направил главные силы морем в обход Лимы: сначала в Анкон, где он высадился 1 ноября, а затем в долину Уачо (70 миль севернее Калья), расположив, таким образом, свою армию между столицей и сельскохозяйственным районом северного Перу. Он намеревался блокировать Лиму с суши и с моря (с помощью Кокрейна), чтобы избежать необходимости лобовой атаки.

Впрочем, в конце 1820 г. Сан-Мартину скорее помогали ошибки роялистов, чем его собственная стратегия и тактика. Прежде всего, этому способствовала нерешительность и колебания вице-короля Песуэлы, который имел несколько возможностей, соединив свою армию, нанести победный удар по армии патриотов. Одной из таких упущенных возможностей был период пребывания армии Сан-Мартина в Уауре, самой плодородной долине севера Перу, куда его армия ушла из Анкона. Роялистский авангард располагался в это время в Чанкае (Chankay), отделенный от армии Сан-Мартина небольшой полосой земли и рекой. Тем более, что как раз в это время Сан-Мартин отправил часть своей армии под командованием Альварадо на помощь Ареналесу, и не был готов к генеральному сражению. Однако приказа об атаке на патриотов не последовало.

Пассивность вице-короля привела к росту недовольства им в рядах роялистов. 3 декабря 1820 г. весь нуманцийский полк (650 чел.) сдался патриотам. Этот полк прибыл из Испании вместе с экспедицией Морильо, понес большие потери в Новой Гранаде и Венесуэле, был доукомплектован юношами из венесуэльских провинций и в апреле 1820 г. прислан в помощь Песуэле¹⁴.

Впрочем, и осторожная тактика Сан-Мартина (мелкие стычки, переговоры, уход от генерального сражения) вызывала возмущение многих офицеров освободительной армии, но особенно Кокрейна. По его мнению, было слишком дорого держать военно-морской флот в бездействии. Он был не в состоянии влиять на действия Сан-Мартина на суше, но зато владел ситуацией на море. Пытаясь вынудить обе стороны к активизации военных действий, Кокрейн в ночь с 4 на 5 ноября 1820 г. провел блестяще организованную и смело осуществленную морскую операцию в бухте Кальяо. Удар был нанесен по испанским судам, находившимся в бухте под защитой крепостных батарей.

В ходе боя моряки Кокрейна захватили один из самых быстрых фрегатов испанской эскадры с провизией на долгую военную кампанию, запасом оружия и снаряжения на 3 месяца. 44-пушечный фрегат «Эсмеральда», переименованный в «Вальдивию», стал одним из основных судов эскадры патриотов, которая после этого сражения полностью контролировала тихоокеанское побережье Перу и Чили¹⁵. Победа, одержанная Кокрейном, вписала славную страницу в его биографию, но практически не изменила военной ситуации в Перу.

Сан-Мартин, по-прежнему, возлагал надежду на разложение вражеских сил и восстание перуанских патриотов. И отчасти он был прав. Все больше и больше муниципалитетов провозглашали независимость. Перуанцы составляли многочисленные планы военной кампании и разными путями пересылали их Сан-Мартину¹⁶. Многие перуанцы вступали в его армию, как на севере, так и на юге Перу.

Более того, экспедиция генерала Ареналеса в Сьерру (внутренние районы Перу) началась 4 октября 1820 г. в очень благоприятных условиях для патриотов. Пассивен был не только Сан-Мартин, но и Песуэла. Его войска (Кимпер) не воспрепятствовали высадке армии патриотов в Писко. Маркиз Вальеумбросо (2000 чел.) в Каньете и О'Рейли в Лурине (с 1000 чел.) также не помешали продвижению генерала Ареналеса в Сьерру.

Уже 31 октября 1820 г. дивизия Ареналеса вошла в Уамангу, оставленную местным гарнизоном, спасавшим королевскую казну. Жители города встретили его радушно. Через неделю Ареналес перешел р. Пампас, направившись в Уанкайо, а дивизии патриотов под командованием Лавалье было приказано двинуться в сторону Хаухи, дабы настичь бежавший из Уаманги гарнизон, что и было сделано 20 ноября в районе Тармы. Хауха вскоре оказалась в руках патриотов. Между тем сюда двигался испанский генерал О'Рейли. 5 декабря 1820 г. он расположился лагерем в окрестностях Паско. 6 декабря 1820 г. он захватил доминирующую в долине высоту, где расположил свои войска в ожидании противника.

Силы патриотов и роялистов перед сражением были приблизительно равны: в количественном отношении преимущество было на стороне О'Рейли, но большинство его солдат — необученные рекруты.

Войска О'Рейли выстроились таким образом: на флангах — пехота, кавалерия – в центре. Их задача — помешать спуску патриотов в долину.

Ареналес приказал батальону № 2 наступать на правый фланг противника, а одиннадцатому – на левый, оставив в резерве небольшой отряд пехоты и кавалерию в центре. Он начал атаку стремительно, неожиданно для противника, который сразу побежал на ближайшую ферму, даже не дождавшись соприкосновения с войсками патриотов. Кавалерия Ареналеса атаковала центр позиции испанцев, проникла в деревню, пройдя ее насквозь, осуществляя сабельные удары и захватывая пленных. Убитых было немного: у роялистов – 41 человек, у патриотов – 4. Зато в плену оказалось 320 роялистов. О'Рейли пытался бежать в Уанако, но, в конце концов, также был захвачен в плен. Так закончилось сражение между роялистами и патриотами у Паско (а точнее, у горы Яурикоча – Yauricocha). По мнению перуанского историка Угарте, это была единственная в Перу действительно славная для войск Сан-Мартина победа¹⁷. Она, как и успешные военные действия, которые вел на юге Перу английский офицер Уильям Миллер, позволяли держать испанцев в состоянии предельного напряжения. Эта напряженность в рядах испанцев придавала тезису Сан-Мартина о революции без войны все большее правдоподобие. Таково мнение по этому поводу Дж. Линча¹⁸. Действительно, количество дезертиров в роялистской армии множилось. Весь север Перу высказался за независимость и стал поддерживать армию Сан-Мартина. Наконец, 29 января 1821 г. в Аснапукио группа высших офицеров низложила вице-короля¹⁹ и заменила его генералом Хосе де Ла Серной.

Однако ситуация в Перу для Сан-Мартина была не столь благополучной как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, это касалось действий Ареналеса в Сьерре, в частности в Хаухе, удержание которой было для патриотов чрезвычайно важным, поскольку отсюда открывался прямой путь для роялистов на Лиму. Армия испанцев ведь еще не была разгромлена. Велись бои локального значения. Между тем, одержав победу у Паско, Ареналес ушел из Хаухи, оставив ее на попечение местных патриотов и перуанских партизан (*montoneros*). Он двинулся навстречу бригадному генералу Рикафорту вопреки приказаниям Сан-Мартина, которые, по мнению Р. Угарте, до него просто не доходили²⁰. А Рикафорт в это время уже разгромил в районе Уаманги отряд патриотов во главе с Бермудесом и Альдао, чуть раньше ушедший из Ики. И тут же все жители, словно по мановению волшебной палочки, превратились в роялистов. Без особого труда Рикафорт достиг Уаманги, а затем через Хауху направился в Лиму. Но как раз в это время произошло низложение Песуэлы, и новый главнокомандующий роялистов приказал Рикафорту вернуться в Сьерру. Его группировка была усилена дивизией генерала Вальдеса (1200 чел.). Соединившись, они захватили Консепсьон, затем Атауру, где им противостояли индейцы, не входившие в армию Сан-Мартина. Очистив от восставших территорию Хаухи, Тармы и Паско, обе роялистские армии присоединились к основной, которая по-прежнему находилась в Лиме. Когда Рикафорт во второй раз ушел из Сьерры, там остался еще более кровавый роялист Хосе Карратала с 4-мя ротами пехоты и 2-мя эскадронами кавалерии, который удерживал ситуацию в регионе только с помощью террора. Это вызывало ответные действия со стороны индейцев, основного населения Сьерры. В этих условиях второй приход Ареналеса в этот район, поддержанный активными действиями армии патриотов против основных сил роялистов в Лиме, мог привести к успеху освободителей, но... Сан-Мартин продолжал выжидать и уговаривать.

А кипучая энергия Кокрейна была направлена Сан-Мartiном на юг Перу, куда в марте 1821 г. морем была отправлена экспедиция под командованием английского офицера У. Миллера (500 пехотинцев и 80 кавалеристов). Недалеко от Такны 22 мая 1821 г. его отряд сумел разбить роялистов. Бой длился 15 минут, после чего роялисты сдались. 90 человек из них погибло, 157 попало в плен. Патриоты также захватили 400 мулов. 25 мая 1821 г. Миллер разбил еще один испанский отряд у Арекипы. После этого Миллер собирался захватить и Арекипу, однако ему было необхо-

димо подкрепление. Но его не прислали, так как Сан-Мартин и роялисты как раз в это время заключили очередное перемирие (переговоры начались 4 мая 1821 г. в Пунчауке). Миллер решил эвакуировать свои войска, но в Арике, где он оставил Кокрейна, того не оказалось. Пришлось отправить солдат на нейтральных судах. А уже 22 июля 1821 г. в Арику пришли роялисты.

В целом экспедицию Миллера, как и первый поход Ареналеса в Сьерру, можно считать успешными, но они коренным образом не меняли военной ситуации в Перу. Скорее использовались Сан-Мартином для того, чтобы усадить испанцев за стол переговоров, что было в духе избранной им тактики, но в конечном итоге она не привела к желаемым результатам. Между тем обстановка в роялистской армии, по свидетельству современников, была весной 1821 г. весьма благоприятной для решительных военных действий против них. Роялисты находились в Лиме, но они были отрезаны от источников снабжения. Кокрейн господствовал на Тихом океане. Индейцы почти повсюду восстали. «Мы долго не продержимся», – писал один из испанцев из Лимы²¹.

Наконец, после долгих уговоров Сан-Мартин решился на организацию нового (второго) похода в Сьерру. Ареналесу было приказано овладеть провинциями Сьерры, близкими к Лиме.

В первые дни апреля 1821 г. из Уауры вышла армия в 2 200 чел. (в т. ч. конные гренадеры и артиллерия). По мнению современников, солдаты были скорее похожи на призраков (“espectros”), чем на людей. Они даже не имели соответствующей экипировки для похода по горам. К ним должен был присоединиться с недавно созданной перуанской дивизией полковник Гамарра, очень неудачно подобранный командир, главным принципом которого являлся лозунг: «<...> при появлении врага не следует ничего предпринимать». Его дивизия состояла из наскоро сколоченного кавалерийского полка и батальона пехоты. Весьма разношерстной публикой были и перуанские партизаны, одетые кое-как, часто в мундиры, снятые с испанских солдат, кто на лошадях, кто на мулах, некоторые босиком. Они также должны были помогать Ареналесу²².

Поэтому неудивительно, что первая (наступательная) часть второго похода в Сьерру закончилась 29 июня 1821 г. неудачей. Вторая состояла лишь в медленном отступлении патриотов для соединения с армией Сан-Мартина в Лиме.

Следует признать, что Ареналес во время этой экспедиции действовал менее решительно и уверенно, чем во время первой. От Ойона (Oyon) до Хаухи он продвигался 25 дней, хотя было достаточно и 7-ми. У Карра-талы было в распоряжении всего 700 чел. против 3000 чел. у Ареналеса. Многие исследователи оправдывают неудачу Ареналеса тем, что таков был план Сан-Мартина, которому важно было прикрыть пути возможного отступления испанцев из Лимы, а не наносить удары по его незначительным группировкам²³. Но факты говорят о другом – победам над испанцами мешали грубые ошибки как самого Сан-Мартина, возможно, и оправданные с политической точки зрения, так и ошибки его командиров.

Если обратиться к политической ситуации в Перу в это время, то она отличалась нестабильностью и колебаниями обеих противостоящих сторон. Смена вице-короля путем переворота, хотя и была признана испанским королем, пока не изменила ни отношения к роялистам в Перу, ни положения в самой испанской армии, где были как противники, так и сторонники бывшего вице-короля Песуэлы. Эта нестабильность заставила нового вице-короля Ла Серну начать переговоры с Сан-Мартинем, тем более, что тот демонстрировал определенную лояльность к роялистам. Сан-Мартин, начав переговоры с роялистами, рассчитывал скомпрометировать роялистское командование, не оставив им другого выбора, как перейти на его сторону²⁴. Но, как и в Мирафлоресе, переговоры вновь зашли в тупик, поскольку Сан-Мартин требовал признания независимости Перу от Испании, пусть и с принцем из королевской семьи во главе. Испания пойти на это не желала. В любом случае, в политическом плане эти переговоры были логичны. Логичны они и с точки зрения тактики и стратегии Сан-Мартина. Он боролся за свою идею до конца. Но вслед за Б. Митре, нельзя не отметить, что эти переговоры были бы успешнее, если бы они подкреплялись военными победами²⁵. То есть необходимо было разумное сочетание военных и политических мер. У Сан-Мартина же во время Перуанского похода все время на первом плане были политические меры. В результате – война затягивалась, а вместе с этим ухудшалась и политическая ситуация в Перу и для самого Сан-Мартина, поскольку он не использовал для разгрома роялистов множество реальных возможностей.

В частности, он дал испанцам спокойно уйти из Лимы 6 июля 1821 г. А ведь роялистская армия к этому времени была дезорганизована, и с ней

можно было расправиться малыми силами. Об этом Сан-Мартину писал находившийся в Хаухе Ареналес. Он предлагал атаковать 4-хтысячную армию Кантерака, шедшую на соединение с Карраталой, и просил для этого лишь небольшое подкрепление, считая, что врага следует разбить по частям. Однако он получил приказ отступить к Лиме и занять оборону в ущелье Сан-Матео.

21 июля Ареналис отправился в путь, 23 — прибыл в Яули, где соединяются два ущелья Сан-Матео и Уарочири (Huarochiri). Здесь он получил приказ Сан-Мартина «держаться в Сьерре», на что он ответил, что уже поздно выполнять это распоряжение. «Я говорил, говорю и буду говорить — писал он Сан-Мартину, — что оставив один раз центр Сьерры, позволив занять ее врагу, мы никогда не сможем ее вернуть»²⁶. Ареналес продолжил путь в Лиму, куда и прибыл 4 августа, потеряв по разным причинам около 1 000 человек из своей дивизии, при этом ни разу не вступив в соприкосновение с испанцами. Он не видел никаких преимуществ от занятия патриотами столицы, поскольку армия испанцев отступила без боя, и, хотя по дороге в Сьерру несла потери (дезертирство, болезни), офицерский корпус был сохранен почти полностью, а стало быть существовали все условия для реорганизации армии и подготовки нового наступления на патриотов.

С этими выводами старого генерала соглашаются все историки, даже такие апологеты Сан-Мартина, как Бартоломе Митре. Аргентинский историк считает, что Сан-Мартин допустил серьезную ошибку, отдав Ареналесу приказ уйти из Сьерры. Он, таким образом, лишился возможности атаковать противника в лоб или, обойдя с флангов, когда тот уходил из Лимы. Ареналес был этим приказом крайне раздосадован, а Кантерак и Ла Серна — испанские генералы — просто удивились, когда Ареналес прошел со своей армией мимо них, хотя имел возможность атаковать и довольно успешно. По мнению Б. Митре, эта ошибка Сан-Мартина стоила Перу еще четырех лет войны. Кроме того, он отмечает, что самой серьезной ошибкой Сан-Мартина как полководца было то, что он позволил испанцам компенсировать потерю Лимы господством в богатых материальными и людскими ресурсами внутренних районах Перу²⁷. Испанцы одержали в определенной степени и моральную победу, поскольку у некоторых перуанцев переговоры с ними Сан-Мартина, продолжавшиеся до сентября, породили надежду на возможную помощь Испании: ведь переговоры вел испанский эмиссар Абреу.

Еще одна проблема вызывает дискуссии у историков. Стоило ли Сан-Мартину так просто выпускать испанцев из Лимы? Быть может, следовало взять город штурмом? Это неоднократно предлагал сделать Т. Кокрейн. И эта точка зрения разделяется большинством военных историков. Однако Р. Рохас считает, что действия Сан-Мартина вполне укладываются в рамки его стратегии и тактики. Сан-Мартин хотел войти в Лиму не как завоеватель, а как человек, которого пригласил туда народ Перу²⁸. Действительно, так и получилось. 28 июля 1821 г. Сан-Мартин, вступивший в Лиму без единого выстрела, был провозглашен протектором независимого Перу. Эти события, как и падение Лимы, несомненно, подтвердили целесообразность его стратегии ненасильственных действий. Но только до известной степени, ибо Лима не являлась всем Перу и не было данных, свидетельствовавших о том, что внутренние области можно завоевывать подобными методами или что роялистские силы будут отступать бесконечно.

Между тем испанская армия (Кантерак, Ла Серна, Карратала) соединилась в Хаухе. Роялисты быстро пришли в себя и, воспользовавшись тем, что Сан-Мартин начал не очень удачные с точки зрения креольской элиты Лимы преобразования, чем нажил себе быстро довольно много врагов, постепенно отвоевывали позиции. Роялисты постепенно набирали силу на севере Перу, истощенном необходимостью содержать армию Сан-Мартина, на юге страны созревали роялистские заговоры. А в центре Перу, в богатой провинции Хауха, сосредоточились основные силы испанцев, отдохнувшие и реорганизованные уже к началу августа 1821 г. Кроме того, в руках роялистов оставался порт Кальяо, который довольно трудно было взять штурмом. Впрочем, Сан-Мартин к этому особенно и не стремился.

Испанцы, между тем, решили послать на помощь осажденным в Кальяо Кантерака, пока чисто символически. Их первая задача состояла в разведке боем, а также было необходимо оружие. Но в конечном итоге испанцы хотели захватить Лиму или дать Сан-Мартину генеральное сражение в соответствии с принятыми тогда правилами военного искусства, от которого он пока благополучно уклонялся.

Кантерак и Вальдес, испанские генералы, участники Наполеоновских войн, 25 августа 1821 г. вышли из Хаухи во главе армии, состоявшей из 2500 пехотинцев, 900 кавалеристов и 9 артиллерийских орудий и расчетов. В районе Сантьяго-де-Тина Кантерак разделил войска. Сам с большей частью пехоты он стал спускаться к побережью по ущелью Сан-

Марко, другая часть армии направилась по ущелью Лурин, с тем, чтобы потом всем соединиться в Сенегилье. Это произошло 5 сентября 1821 г. О продвижении испанцев Сан-Мартин узнал от взятого в плен монтонерос испанского подполковника Сóколи (Sócoli). Он сразу же обратился за помощью к жителям Лимы, которые откликнулись на призыв. Началась подготовка к обороне столицы.

За всем происходящим в Лиме с высоты Анд наблюдал Кантерак. Армия патриотов располагалась за стенами небольшого поместья Тино, имея перед собой реку Сурко. Кавалерия находилась в тылу, отряды партизан заняли все дороги впереди и позади армии. Но ни роялисты, ни патриоты не предпринимали никаких действий, стоя друг напротив друга: и те, и другие пока не хотели сражения. В конце концов, инициативу взял на себя испанец Кантерак. Он приказал 10 сентября Вальдесу с пехотой, пушками и обозом двигаться к Кальяю в обход столицы, а сам симулировал атаку на патриотов, во время которой неожиданно изменил направление движения кавалерии и раньше, чем защитники Лимы сообразили, повернул на дорогу, ведущую в Кальяю. Его никто не преследовал. Сан-Мартин довольно безразлично наблюдал за происходившими событиями, ибо он вовсе не собирался задерживать Кантерака или давать генеральное сражение. Кокрейн и многие другие офицеры были взбешены²⁹. Но Сан-Мартин, лишь несколько изменив расположение своих войск, ожидал возвращения Кантерака. Тот задержался в Кальяю недолго, т.к. провизии в городе почти не было. Прихватив казну, а также часть испанского гарнизона, 16 сентября под покровом ночи Кантерак ушел из крепости. И снова Сан-Мартин проявил пассивность, объясняя это тем, что «риск, связанный со сражением не пойдет на пользу делу патриотов»³⁰. Поднялась буря протестов, популярность Сан-Мартина пошла на убыль, хотя 21 сентября 1821 г. над Кальяю взвился двухцветный флаг, и в бухту вошли корабли Кокрейна.

Преследование Кантерака было, но без вступления в сражение. Произошло лишь одно боевое столкновение с отрядом англичанина Миллера, но войска Кантерака по численности намного превосходили отряд Миллера, и тому пришлось спасаться бегством. Далее Кантерак продвигался беспрепятственно и уже 25 сентября вернулся в Хауху.

Многие современники не понимали поведения Сан-Мартина и покинули ряды его армии. Это и Кокрейн, и Ареналес, и Лас Эрас. Сан-Мартин не только пропустил Кантерака в Кальяю, хотя имел все возможности разгромить его, но и затем не разбил его усталую армию в 1 500 человек

в Хаухе. У него также была возможность после ухода Кантерака в Кальяо разгромить оставшиеся в Хаухе войска вице-короля и т. д. Аргентинский исследователь Р. Рохас считает, что Сан-Мартина напрасно упрекали и упрекают в пассивности и даже трусости. Не следует забывать, что у него в то время армия в количественном и в качественном отношении была значительно хуже роялистской. И если бы он дал сражение, то оно скорее всего было бы проиграно, тогда для патриотов в Перу было бы потеряно все. Именно поэтому он не торопился. Тем более он понимал, что Кантерак со своими небольшими силами вряд ли атакует Лиму и что это просто разведывательный поход, как, впрочем, и случилось³¹.

Но как уже отмечалось ранее, после освобождения Кальяо опять же без единого выстрела популярность Сан-Мартина стала стремительно падать. Окончательно разладились отношения с Кокрейном из-за неуплаты жалования ему лично и его морякам. Сан-Мартин вообще отказался обсуждать этот вопрос, поскольку Кокрейна нанимал не он, а чилийское правительство. Решение пришло с неожиданной стороны. Когда роялисты появились в районе Лимы, на корабли Кокрейна было помещено золото и серебро из Монетного двора столицы, значительная часть которого принадлежала частным лицам. Адмирал силой захватил это золото и расплатился с экипажами. 26 сентября Сан-Мартин приказал Кокрейну покинуть Перу, что тот и сделал. После этого Кокрейн вел самостоятельные операции против испанцев на Тихом океане.

После разрыва с Кокрейном у Сан-Мартина появилась новая забота — создание перуанского флота, хотя в тот момент какой-либо военной необходимости в этом не было. Испанских судов в районе тихоокеанского побережья Южной Америки не было, да и не предвиделось. Тем не менее, Сан-Мартин пригласил из Чили адмиралов Бланко Энкаладу и Круса. Им была поручена организация новой эскадры. Поскольку командиры всех кораблей были иностранцами, это делало флот не очень надежным защитником берегов Перу. Так, 29 ноября 1821 г. восстал экипаж одной из шхун из-за несвоевременной выплаты жалования. Участники восстания захватили шхуну и бежали на ней в район Мексики. Корабль и команда были утрачены перуанским флотом навсегда³².

К концу 1821 г. постепенно осложнилась политическая и экономическая ситуация в Перу. Будучи протектором этой страны, Сан-Мартин начал проводить преобразования. Например, все участники Перуанского похода объявлялись состоящими на службе Перу. Было ликвидировано рабство, отменена подушная подать с индейцев, которых следовало назы-

вать перуанцами, как и потомков испанских родителей, всевозможные трудовые повинности (правда, пока это существовало на уровне декларации). Одновременно испанцам («пиренейцам») было предложено покинуть территорию Перу, оставив половину имущества (в действительности, оно конфисковалось полностью). В политической сфере Сан-Мартин все более тяготел к провозглашению монархии. Он даже послал в ноябре 1821 г. миссию в Европу, чтобы предложить перуанскую корону европейскому принцу, добиться признания независимости Перу и получить заем³³. Он также начал формирование новой перуанской аристократии из наиболее отличившихся генералов и офицеров освободительной армии. Но власть Сан-Мартина, и так весьма призрачная, распространялась лишь на Лиму и север Перу. Центральные, южные и особенно внутренние районы (так называемая «Сьерра») находились в руках роялистов, которые управляли ими по-своему. Зачастую гораздо более жестко, чем Сан-Мартин на севере и в Лиме. Расстрелы патриотов, конфискация имущества, сожжение дотла целых селений, принудительные наборы в армию довольно скоро настроили население Сьерры, особенно индейцев, против испанцев. Креолы и метисы внутренних районов для борьбы с бесчинствами испанцев создавали отряды партизан (монтонерос) и также действовали по отношению к местному населению не самым лучшим образом, а они в 1821–1824 гг. были во внутренних районах главной опорой патриотов. Впрочем, по мнению военных историков, Сан-Мартин не до конца (а если более точно, то почти совсем) использовал возможности партизан-монтонерос, и это являлось еще одной причиной затягивания войны в Перу и неудач освободителей³⁴.

Против Сан-Мартина в такой ситуации зреют заговоры и не только в среде обиженных перуанских креолов, но и в войсках. Так, в октябре 1821 г. восстал нуманцийский полк, не так давно перешедший на сторону Сан-Мартина.

Нарастающее политическое противодействие, экономические и военные проблемы заставили Сан-Мартина принять решение о том, чтобы удалиться из Перу еще в конце 1821 г. Но бросить на произвол судьбы дело своей жизни сразу он не мог. Сан-Мартин решил обратиться за помощью к С. Боливару. Однако сначала он все же попытался изменить ситуацию сам. В частности, Сан-Мартин принял решение послать военную экспедицию в Ику (60 лиг от Лимы на юг). Во главе экспедиции он поставил Гамарру и Тристана, что оказалось большой ошибкой, поскольку и тот, и другой были лишены тактического и стратегического мыш-

ления и терялись в неожиданных ситуациях. Таким образом, конец этой экспедиции, на которую очень надеялся Сан-Мартин, оказался весьма печальным³⁵. Это поражение еще больше уронило престиж Сан-Мартина в Перу, особенно в контрасте с известием о победе соратника Боливара генерала Сукре у Пичинчи.

Значительно укрепились и позиции роялистов Перу. В Испанских кортесах о Ла Серне и его генералах заговорили как о победителях. Самому Ла Серне казалось, что ход войны окончательно удалось переломить в пользу испанцев, что внутренние районы Перу полностью на его стороне. Последующие события продемонстрировали, что это была иллюзия. А пока... Пока испанцы праздновали победу.

А Сан-Мартин уже не видел иного выхода, как обратиться за помощью к Симону Боливару. Их встреча состоялась в Гуаякиле. О ней написаны сотни томов, поэтому останавливаться на этой встрече нет необходимости. Отметим лишь, что перуанский историк Р. Варгас Угарте обращает внимание на то, что Сан-Мартин, хотя и не достиг особых военных успехов в Перу, перед встречей в Гуаякиле был не так уж беспомощен. Под его командованием находилась армия, в которой насчитывалось 7 тыс. рекрутов, правда, недисциплинированных и плохо обученных и столько же ополченцев. Да еще в Кито находилась армия в 2 тыс. чел. под командованием Санта-Круса. Всего 16 тыс. человек, хорошо вооруженных и экипированных. Эти сведения взяты Р. Варгас Угарте из перуанской «Gaceta del Gobierno» от 8 июня 1822 г.³⁶

С такими силами, как считает перуанский историк, можно было начинать решающую военную кампанию. И Сан-Мартин уже начал ее планировать. Он предполагал направить основное ядро армии в Арику, где бы они соединились с присланным из Чили подкреплением. Такие запросы уже были им сделаны. Оттуда войска должны были направиться в Десагуадеро, где они соединились бы с Лансой, а затем разбила войска Оланьеты, которые находились в районе озера Титикака. В это время аргентинцы должны были отвлечь внимание роялистов наступлением в районе Сальты, в то время как Ареналес сделал бы то же самое с армией Кантерака, находившейся в центре внутренних районов Перу. Поэтому, по мнению Р. Варгас Угарте, отправляясь в Гуаякиль, Сан-Мартин, прежде всего, хотел получить от Боливара военную помощь для осуществления данного плана. Попутно, вероятно, ставились и другие вопросы. В частности, о судьбе Гуаякиля, о политическом устройстве Перу³⁷.

Впрочем, поскольку переговоры велись за закрытыми дверями, существуют лишь косвенные свидетельства о том, как они проходили. Это дает простор для фантазии историков, которые по-разному описывают первую и последнюю встречу вождей южной и северной революции. В любом случае она оказалась бесплодной с точки зрения объединения усилий Боливара и Сан-Мартина в борьбе против роялистов. Боливар и Сан-Мартин, по-видимому, окончательно разочаровались друг в друге. Сан-Мартин считал Боливара человеком тщеславным, поверхностным, честолюбивым, но он также признавал, что этот человек сокрушит все на своем пути, чтобы добиться независимости. Именно поэтому (правда, не только поэтому) вождь южной революции как человек более миролюбивый и уступчивый принял окончательное решение удалиться с политической и военной арены Южной Америки, оставив открытым путь к завоеванию независимости для Перу более удачливому сопернику. Такова одна из многочисленных версий причин дальнейших действий Хосе де Сан-Мартина, которая появилась еще в XIX в.

В любом случае, 19 августа 1822 г. Сан-Мартин вернулся в Лиму. 20 сентября 1822 г. подал прошение об отставке и в ту же ночь выехал из Лимы и уже на следующий день через Чили и Аргентину отбыл в добровольное изгнание в Европу на бригантине «Бельграно». Он увез с собой из Перу 183 унции золота, штандарт Писарро — подарок жителей Лимы, маленький золотой колокольчик, а также право получать пожизненную пенсию от правительства Перу. Кроме того, перуанцы провозгласили его генералиссимусом и выразили благодарность за проделанную работу.

Современники и историки по-разному оценивали и оценивают этот шаг Сан-Мартина, да и вообще его вклад в дело освобождения Испанской Америки от власти метрополии. Но в данном случае интересно их отношение к Сан-Мартину как к военачальнику. Критики Сан-Мартина, тогдашние и теперешние, сосредотачивают свое внимание на его инертности в ведении войны в Перу, на деспотическом изгнании испанцев из Лимы и на том факте, что он покинул ряды борцов за независимость, преждевременно выйдя в отставку. Б. Митре, при всей его апологии Сан-Мартина, обращает самое пристальное внимание на ошибки Сан-Мартина как военачальника и полководца. В частности, он упрекает Сан-Мартина в постоянном нежелании преследовать противника. Так было не только в Перу, но и после Чакабуко, и после Майпу. Ему не нравится отсутствие у Сан-Мартина стремления рисковать. Он обязательно должен все просчитать и тщательно подготовить. Отсюда и такие неудачи в Перу,

ведь там многие было просто невозможно предусмотреть заранее. Наиболее серьезной ошибкой Сан-Мартина Б. Митре считает то, что вождь южной революции практически отдал на откуп испанцам богатую Сьерру. И вообще вел всю перуанскую кампанию крайне вяло. По его мнению, два похода Ареналеса в Сьерру были крайне плохо организованы. Перед участниками не было поставлено ясных задач. Операция У. Миллера на юге Перу в районе так называемых портов снабжения между Кальяо и Вальпараисо вместо того, чтобы стать дополнением (вспомогательной операцией) к походам Ареналеса в Сьерру, стала изолированной и не привела к положительному результату. Более того, выведя часть армии (около 700 человек) за пределы стратегического круга операций, Сан-Мартин ослабил собственную армию, теряя наступательную инициативу. Вообще, как считает Б. Митре, после вступления в Лиму Сан-Мартин допустил одну ошибку за другой, скомпрометировав свое имя как смелого и решительного генерала, который умеет соединять в любых условиях теорию и практику. Митре понимает, что все эти ошибки можно объяснить политически (так, кстати, делают многие историки),³⁸ но как с военного руководителя эти объяснения ответственности за военные поражения с него не снимают³⁹. На эти же моменты обращает внимание и Р. Варгас Угарте: упущенные военные возможности, с его точки зрения, значительно уронили авторитет Сан-Мартина как военного в глазах не только перуанцев. Он также обращает внимание и на политические просчеты Сан-Мартина⁴⁰. Р. Рохас же, как и Дж. Линч, более благосклонны к Хосе де Сан-Мартину. По их мнению, все действия Сан-Мартина были весьма логичны и реалистичны и его тактика, в том числе и военная, полностью соответствовала открыто провозглашенной политике. Сан-Мартин искренне стремился «революционизировать», а не завоевать Перу⁴¹. Он хотел, чтобы перуанцы сами добились независимости. Вероятно, в правильности такой политики можно было сомневаться, но и Боливар нашел, что освобождение Перу — нелегкая задача.

Сам Хосе де Сан Мартин признавал, что «успехи, которых я достиг в войне за независимость, в действительности уступают тем, которых добился генерал Боливар в борьбе за дело Америки⁴². В этой фразе, по мнению Р. Варгасак Угарте, весь Сан-Мартин, который отличался от Наполеона тем, что ушел с поля боя непобежденным, а от Боливара тем, что не претендовал на то, чтобы объединить под своей личной властью весь континент⁴³.

Подводя итоги Перуанского похода, первой неудачной попытке штурма роялистской цитадели, создавшей, однако, определенные предпосылки для благоприятного исхода последующего Перуанского похода С. Боливару, следует отметить, что его просчеты и ошибки в ходе ведения этой военной кампании были обусловлены его непониманием своеобразия политической и экономической ситуации в каждом из регионов Испанской Америки. Чили, Перу и Аргентина в первой четверти XIX в. не были похожи друг на друга ни по социальной структуре, ни по экономическим возможностям, ни по накалу политической борьбы. К ним надо было подходить с разными мерками. Интуитивно Сан-Мартин это почувствовал во время Перуанского похода, но справиться с ситуацией не смог. Отсюда и самые крупные военные неудачи в этом регионе: медлительность и нерешительность в борьбе с армией роялистов и, как результат, быстрая утрата завоеванных позиций.

Кроме того, на ход и результат военных операций Сан-Мартина накладывал отпечаток и его характер, воспитанный годами пребывания в армии. Ему явно удавались операции, просчитанные с математической точностью и столь же точно выполненные его подчиненными. Слабой стороной Сан-Мартина-полководца было, как представляется, почти полное отсутствие у него способности к импровизации. Впрочем, победа при Майпу не готовилась долго, так что Сан-Мартин умел менять военную тактику в зависимости от обстоятельств, но импровизация всё же давалась ему хуже. Следует довольно высоко, вслед за Б. Митре, оценить и первую военную кампанию Сан-Мартина в Сьерре. Сведениями, которые были получены в её ходе, впоследствии с успехом воспользовался С. Боливар. Однако, и здесь также нельзя не согласиться с одним из самых крупных знатоков военной истории американского континента, общественное мнение в Перу необходимо было завоевывать и с помощью удачных военных операций против роялистов, четкого плана которых у Сан-Мартина, к сожалению, не было. Вообще, по мнению Б. Митре, в Перу Сан-Мартин был больше философом, чем военным, что и привело к неудаче⁴⁴.

⁴⁴*Markham C. R.* A History of Peru. 1892; *Mitre B.* Historia de San Martin y la Emancipacion Sud-Americana. 4 v. 2 ed. Buenos-Aires, 1890; *Xose Maptu.* Сан-Мартин // *Xose Maptu.* Избранные произведения. Перевод с испанского. М., 1978. С. 262–271; История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000; *Lynch J.* San Martin.

Argentine Soldier. American Hero. Yale. 2009; *Terragno R. Maitland & San Martin Bernal*. 1998 и др.

²Цит. по: *Mitre B.* Op cit. Т. II. P. 217. *Rojas R.* El Santo de la espalda. Vida de San Martin. Buenos-Aires, 1950. P. 175.

³Цит по: *Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С. 134–135.

⁴*Линч Дж.* Революции в Испанской Америке. 1808–1826. Пер. с англ. М., 1979. С. 186–187.

⁵Там же.

⁶Таковы сведения, приводимые Р. Угарте. *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Historia general del Peru. Emancipacion (1816 –1825). Т. VI. Lima, 1971. P. 78.

⁷*Ibid.*

⁸*Ibid.* P. 76.

⁹Цит. по: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 74–75.

¹⁰*Rojas R.* Op.cit. P.203.

¹¹*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 83.

¹²*Линч Дж.* Указ. соч. С. 188.

¹³*Rojas R.* Op. cit. P. 203; *Mitre B.* Op. cit. P. 679.

¹⁴Сан-Мартин присвоил полку титул «Leal a la Patria» («Верный Родине»), назвав самым первым полком перуанской армии. Затем полк был передан Боливару, когда тот вел борьбу за освобождение Эквадора. См.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 107–109.

¹⁵Два других испанских фрегата недолго служили роялистам. В ноябре 1821 г. они были направлены в Арекипу за подкреплением. Однако их действия оказались неудачными. Не имея возможности связаться с вице-королем, они были вынуждены скрываться сначала в Мексике, а затем в Гуаякиле сдались патриотам. Об этом и о морском бое подробнее см.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 101–103.

¹⁶*Ibid.* P. 87.

¹⁷*Ibid.* P. 97.

¹⁸*Линч Дж.* Указ. соч. С. 191.

¹⁹Песуэла удалился в Магдалену, а в июне 1821 г. на американском корабле отбыл в Испанию, где получил от короля титул графа Вилумы. Он умер в Мадриде в 1830 г. См.: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 112–113.

²⁰*Ibid.* P. 99.

²¹*Ibid.* P. 139.

²²*Ibid.*

²³*Ibid.* P. 142.

²⁴*Линч Дж.* Указ. соч. С. 191.

²⁵*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 116.

²⁶Цит. по: *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 144.

²⁷*Mitre B.* Op. cit. Т. III. P. 8, 23.

²⁸*Ibid.* P. 679; *Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 144; *Rojas R.* Op. cit. P. 212.

²⁹*Ruben Vargas Ugarte S. J.* Op. cit. P. 190–191.

³⁰Цит. по: *Линч Дж.* Указ. соч. С. 193.

³¹*Rojas R.* Op. cit. P. 220–221.

³²*Ruben Vargas Ugarte S. J. Op. cit. P. 198.*

³³*Линч Дж. Указ. соч. С. 194.*

³⁴Там же. С. 196.

³⁵*Ibid. P. 213.*

³⁶*Ruben Vargas Ugarte S. J. Op. cit. P. 234.*

³⁷*Ibid.*

³⁸Например, российский историк И. И. Янчук, который считает главной причиной нерешительных боевых действий Сан-Мартина его стремление «в первую очередь наладить сотрудничество с роялистами и консерваторами — сторонниками независимости на путях создания монархии», а также его боязнь «самостоятельной роли в Войне за независимость народных масс». — История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI – XIX вв. М., 2010. С. 750.

³⁹*Mitre B. Op. cit. T. III. P. 31, 58, 116, 679–681.*

⁴⁰*Ruben Vargas Ugarte S. J. Op. cit. P. 241.*

⁴¹*Rojas R. Op. cit. P. 257–262; Линч Дж. Указ. соч. С. 200.*

⁴²Цит. по: *Линч Дж. Указ. соч. С. 200.*

⁴³*Ruben Vargas Ugarte S. J. Op. cit. P. 262.*

⁴⁴*Mitre B. Op. cit. T. III. P. 678.*